

РЕЦЕНЗИИ

CRITICAL REVIEWS

doi:10.21685/2072-3024-2021-3-10

Современная стратегия региональной истории

О. А. Сухова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

savtemp@yandex.ru

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : монография : в 2 т. / отв. ред. П. С. Кабытов, Э. Л. Дубман, Ю. Н. Смирнов [и др.]. Т. 1: Самарское Поволжье в XVI – первой половине XIX вв. / науч. ред.: Э. Л. Дубман, Ю. Н. Смирнов. 2-е изд., испр. и доп. Самара : Слово, 2020. 480 с. ; Т. 2: Самарское Поволжье во второй половине XIX – начале XX века / науч. ред.: П. С. Кабытов, О. Б. Леонтьева. Самара : Слово, 2020. 480 с.

Для цитирования: Сухова О. А. Современная стратегия региональной истории // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 108–114. Рец. на кн.: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : монография : в 2 т. / отв. ред. П. С. Кабытов, Э. Л. Дубман, Ю. Н. Смирнов [и др.]. Т. 1: Самарское Поволжье в XVI – первой половине XIX вв. / науч. ред.: Э. Л. Дубман, Ю. Н. Смирнов. 2-е изд., испр. и доп. Самара : Слово, 2020. 480 с. ; Т. 2: Самарское Поволжье во второй половине XIX – начале XX века / науч. ред.: П. С. Кабытов, О. Б. Леонтьева. Самара : Слово, 2020. 480 с. doi:10.21685/2072-3024-2021-3-10

Contemporary strategy of regional history

O.A. Sukhova

Penza State University, Penza, Russia

savtemp@yandex.ru

History of the Samara Volga region from ancient times to the present day : monograph : in 2 volumes / editor-in-chief P.S. Kabytov, E.L. Dubman, Yu.N. Smirnov [et al.]. Volume 1: Samara Volga region in the 16th – first half of the 19th centuries / scientific editor: E.L. Dubman, Yu.N. Smirnov. 2nd edition, revised and supplemented. Samara : Slovo, 2020. 480 p. ; Volume 2 : Samara Volga region in the second half of the 19th – early 20th century / scientific editor: P.S. Kabytov, O.B. Leontyeva. Samara : Slovo, 2020. 480 p. (In Russ.)

For citation: Sukhova O.A. Contemporary strategy of regional history. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings*.

© Сухова О. А., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Volga region. Humanities. 2021;3:108–114. A review of History of the Samara Volga region from ancient times to the present day : monograph : in 2 volumes / editor-in-chief P.S. Kabytov, E.L. Dubman, Yu.N. Smirnov [et al.]. Volume 1: Samara Volga region in the 16th – first half of the 19th centuries / scientific editor: E.L. Dubman, Yu.N. Smirnov. 2nd edition, revised and supplemented. Samara : Slovo, 2020. 480 p. ; Volume 2 : Samara Volga region in the second half of the 19th – early 20th century / scientific editor: P.S. Kabytov, O.B. Leontyeva. Samara : Slovo, 2020. 480 p. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-3-10

Появление нового масштабного труда в сфере изучения истории Самарского края стало закономерным итогом развития самарской научной школы, долгие годы сохранявшей и преумножавшей лучшие традиции российской исторической науки. Во многих отношениях рецензируемое издание можно охарактеризовать как стратегию, модель структурно-хронологического анализа исторического регионоведения, отразившую все основные тренды современных методологических новаций. Обращает на себя внимание и существенное приращение корпуса источников, что позволило преодолеть фрагментарность изложения ранних периодов истории колонизации и дополнить теоретические положения убедительной системой аргументов.

Глубина анализа и академичность монографии подтверждается особым отношением к изучению мнений предшественников, шаг за шагом формировавших предметную область и грани осмысления истории Самарского Поволжья: от трудов руководителей Оренбургской и академической экспедиций до творчества П. В. Алабина, Е. И. Медведева, Н. Л. Клейн, П. С. Кабытова и множества их учеников и последователей. Фактором безусловного успеха данного исследования выступает сохранение научной преемственности в определении принципов и средств исследовательской практики, несмотря на неоднократное крушение политико-идеологических ориентиров, что способствовало значительному методологическому обогащению и формированию системного подхода к региональной истории [1].

Стержнеобразующим звеном в исследовательской стратегии выступает человек, что указывает на завершенность и высокий уровень зрелости антропологического поворота в исследованиях Самарской научной школы. Социальные аспекты стали основным критерием для структурирования содержания монографии. И если деление на главы построено по хронологическому принципу, то повествование о жизни края в рамках того или иного периода идет от лица непосредственных участников описываемых событий. Основными акторами заселения, освоения и управления территорией выступают люди, во всем многообразии политических, хозяйственных, повседневных практик. В этом понимании отражено продолжение и творческое развитие результатов проекта «“Обретение родины”: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.)», оформленных в оригинальную концепцию «внутренней окраины». Специфика социокультурного развития региона читается как модель адаптации и «переплавки» «людей пограничья» по принципам имперского ядра (т. 1, с. 17).

Первый том включает в себя шесть глав и ориентирует нас на процесс хозяйственного освоения и формирования социокультурного ландшафта южных территорий Среднего Поволжья и Заволжья с момента возникновения крепости Самары и до создания Самарской губернии (т. 1, с. 3–4).

По мнению исследователей, самарские земли попали в поле зрения московских князей с момента исторической битвы Тимура и Тохтамыша на Кондурче в 1391 г. Сын Дмитрия Донского Василий в это время находился в Орде и был свидетелем или даже участником битвы (т. 1, с. 30). Череда бесконечных усобиц и окончательный распад Орды спровоцировали новый виток борьбы за Волгу и рост миграционных процессов, завершившийся взятием Казани и Астрахани. Обширное пространство межграницья привлекает на ничейную землю «гулящих» людей, формируя уникальную и самобытную среду обитания, «плавильный котел» для представителей разных этносов и территорий. Историческое значение этого поворотного пункта в истории Среднего Поволжья авторы монографии определяют в контексте стабилизации цивилизационного развития региона, раздираемого кровавыми усобицами ханов и князей разных орд и улусов. Постепенно складываются благоприятные условия для развития торговли по Великому Волжскому пути, начинается культурное взаимодействие и взаимообогащение русских переселенцев и народов Поволжья (Э. Л. Дубман; т. 1, с. 36).

В истории региона нет более значимой проблемы, чем история возникновения поселения, ставшего центром притяжения хозяйствующих субъектов и средоточием военно-административных ресурсов. Научный подход и критический разбор доступных на сегодняшний день источников позволил усомниться в достоверности предания о встрече митрополита Алексия с отшельником в устье р. Самары, о предсказании скорого основания города и об отнесении возникновения Самары к середине XIV в. Не приносят ясности и западноевропейские источники, зафиксировавшие существование незначительных поселений по обоим берегам Волги, в том числе и селища Samar в устье р. Самары во второй половине XIII – XIV в. (т. 1, с. 37, 40).

Гораздо теснее история появления Самары связана с возникновением волжской казачьей вольницы. Определены и места стоянок виднейших атаманов волжских казаков – Барбашина поляна, Ермакова поляна и т.д. Блестящие зарисовки повседневной жизни населения, осваивающего берега Волги и окрестные леса, горы и степи, являются несомненным достоинством данного научного издания. Сооружение крепостей Самары, Царицына, Саратова выступает здесь как проявление острой необходимости утверждения административного присутствия и контроля над Понизовым Поволжьем со стороны московских властей. История формирования Волжской казачьей вольницы не получила своего логического завершения. Выбор места под будущую крепость определялся задачей защиты волжской торговли, слежения за передвижением кочевых орд в Заволжье и преграды проникновения казаков с Яика. Официальным днем закладки Самары стало 22 мая (1 июня по новому стилю) 1586 г. – дата начала возведения храма, выстроенного в честь Троицы (Э. Л. Дубман; т. 1, с. 64–65, 71).

Факторами развития Юго-Востока Европейской России в XVII в. выступают слабозаселенность края и удаленность от основных путей перемещений вооруженных сил в период Смутного времени. Имело место и влияние случайных факторов. После разгрома авантюры И. Заруцкого Самара до середины XVII в. сохраняла за собой роль крупнейшего в регионе военного, административного и торгово-перевалочного центра (т. 1, с. 101–102). В дальнейшем по мере строительства в 1640-х – 1650-х гг. Симбирской,

Карсунской и Закамской засечных черт Самара теряет свое значение, уступая главенствующую роль Саратову, Симбирску, Сызрани.

Привлекает внимание анализ источников рекрутирования и повседневных практик городского управления в XVII в.: жесткого контроля со стороны центрального ведомства – приказа Казанского Дворца; принципов назначения представителей власти; становления и развития воеводской системы; деятельности съезжей (приказной) избы. Детально описаны аспекты социально-демографической дифференциации населения Самары, ментальность и психология служилых людей (Э. Л. Дубман; т. 1, с. 103–121).

Порубежный край российского государства представлен историей хозяйственного освоения (землевладение и землепользование, промыслы, промышленность, торговля), а также социальных конфликтов. Исторический опыт казачьей вольницы послужил ментальной основой положительного отклика самарцев на движение С. Разина. Не единожды Самара оправдывала свое изначальное предназначение – ограничения, преграды пассионариям, стекавшимся в приграничье, оттягивала протестный потенциал, примеряя на себя роль центра мятежных сил. Здесь сложился и один из важных и заметных районов пугачевского восстания – Самарско-Ставропольский (или Заволжский) (т. 1, с. 304).

Имперский период в истории Самарского края равновесно представлен социально-экономическими аспектами дальнейшего развития территории, вопросами эволюции административного устройства, анализом предпосылок создания губернии, реконструкцией повседневных практик жизни уездного города и его жителей (наука и просвещение, здравоохранение, религиозная жизнь, досуг и развлечения). В числе объективных факторов, вызвавших движение за пересмотр статуса Самары, названы следующие: возросший экономический потенциал (превращение Заволжья в одного из главных российских поставщиков товарного хлеба), окончательная утрата регионом военно-пограничного значения, сложность управления губерниями при резком росте численности населения, необходимость контроля над переселенческим движением (Ю. Н. Смирнов; т. 1, с. 382). Одним из важнейших правительственных решений в этом направлении становится массовый вывод отдельных групп населения за пределы региона в 1840-х гг. и заселение «коронными крестьянами». Речь идет о выселении казаков и калмыков на восток, на новую пограничную линию (т. 1, с. 383). В этих условиях очевиден тренд на высокую миграционную активность населения. И в первой половине XIX в. Самара сохраняла за собой статус «плавильного котла», вмещающая помимо 15 тыс. регулярного населения в зимний период еще около 10 тыс., а в весенне-летний – до 100 тыс. человек (Л. М. Артамонова; т. 1, с. 399).

Второй том посвящен пореформенной эпохе и повествует о процессе образования и обустройства новой губернии, сопряженном с реализацией либеральных инициатив. Том представлен девятью главами и заканчивается рассмотрением проявлений системного кризиса империи, крушением государственности и провозглашением новой советской власти.

Торжественное «открытие» нового административно-территориального образования, отнесенного к числу «внутренних губерний Империи», состоялось 1 января 1851 г., но можно ли говорить о завершении процессов социальной консолидации региона? Авторы монографии не спешат ответить на

этот вопрос утвердительно: в Самаре сохранялась исконная заволжская традиция – прием и использование труда беглых крестьян и другого гулящего люда, чей труд охотно использовался в производстве, хранении, погрузке и перевозке товарного хлеба (Ю. Н. Смирнов; т. 2, с. 11).

Начало Великого либерального почина представлено прекрасно выполненным историческим портретом Константина Карловича Грота, самарского губернатора, яркого представителя рациональной бюрократии, жесткого и непреклонного сторонника порядка, обеспечившего правовые и политические условия для организации работы особого комитета по подготовки реформы (П. И. Савельев; т. 2, с. 46–53).

Особое внимание в рецензируемой монографии уделено региональному прочтению модернизационных процессов, изменивших социальные роли и менталитет старых сословий, поставивших под сомнение традиционные ценности и поведенческие практики. На примере дворянства, постепенно терявшего свое главное достояние – землю – и превращавшегося в символ крушения старого порядка, это убедительно показала Е. П. Баринова (т. 2, с. 115–119).

Результаты утверждения имперской модерности в Самарском варианте проявились в начале XX в. в особом накале революционных страстей в Самаре и в губернии в период революции 1905–1907 гг. (в монографии это отражено в материалах гл. 7, выполненной М. И. Леоновым), а также в заметном движении сторонников новых форм хозяйствования, нового технологического уклада (гл. 8). Успех Столыпинской аграрной реформы в Самарской губернии, по мнению П. С. Кабытова, был достигнут в основном за счет Степного Заволжья, где к отрубам и хуторам переходили целыми общинами, особенно вблизи железнодорожных станций, речных пристаней или городов. Внедрение многопольного севооборота, распространение прокатных станций, сельскохозяйственных складов и элеваторов, бурный рост кооперативов – это все доказательства эффективности экономической политики правительства. Однако аграрно-капиталистический переворот в Самарской губернии не завершился, сохранение патриархальных общинных устремлений, «общинной психологии» крестьян провоцировали внутримирские конфликты, выступления против новых помещиков (т. 2, с. 358, 361–363). Лаконичные, четкие, но одновременно доказательные выводы позволяют увидеть чрезвычайно сложное и противоречивое переплетение факторов, порождающих региональную специфику столкновения традиционной культуры и модерна. Скажем, интенсивность процессов рыночной трансформации только подстегивала рост ожиданий наделения землей в преддверии 100-летия Отечественной войны 1812 г. и трехсотлетия династии Романовых (т. 2, с. 363). Но ничто не соизмеримо по разрушительной силе воздействия с Первой мировой войной, в одночасье перестроившей экономику региона, переписавшей социальные и гендерные роли, усилившей социальную неоднородность и нестабильность. Так, к началу 1916 г. на территории Самарской губернии было размещено 152 тыс. беженцев (т. 2, с. 408). Естественным следствием ухудшения качества жизни из-за дороговизны и распространения эпидемий становится рост погромных настроений.

Вместе с тем следует согласиться с мнением Н. Н. Кабытовой, Великая российская революция не грянула неожиданно по телеграфу и не вылилась в форму городского бунта, а стала проявлением закономерных политических

процессов, получивших развитие на благодатной самарской земле. Следует отметить, что накануне Февраля в Самаре действовали все основные партии, оппозиционные правительству, в том числе и наиболее влиятельная в буржуазной среде – партия кадетов, и самая многочисленная – партия социалистов-революционеров (т. 2, с. 416–417). Региональная специфика проявилась и в отсутствии в губернском центре двоевластия: на начальном этапе революции либералам удалось объединить все общественные организации под эгидой Комитета народной власти (т. 2, с. 425). Однако последующая дифференциация общественно-политических сил в Самаре обеспечила утверждение у власти наиболее радикальной, но заручившейся поддержкой солдатских комитетов Самарского гарнизона партии. Первые декреты советской власти примирили большевиков с широкими народными массами (т. 2, с. 469).

Таким образом, ведущими факторами развития региона на начальном этапе русской колонизации и освоения территории Поволжья названы ресурсы бассейна Волги, а также пограничный характер территории. Здесь сталкивались миграционные волны лесного севера и кочевого юга, военизированная система управления и казачья вольница (т. 2, с. 474–476).

Окончание начального периода заселения Заволжья авторы отнесли к первому десятилетию XIX в., когда в империи завершилось Генеральное межевание, но статус пограничного рубежа Самара утратила лишь в середине века с момента учреждения губернии, утратила, чтобы сразу пасть в объятья либеральных инициатив имперских властей. В пореформенный период Самарский край оказывается на передовой модернизации, превратившись в один из ведущих национальных центров производства товарного зерна, в транзитный центр для распространения новых технологий и практик на Восток – в Сибирь, Казахстан, Центральную Азию. Здесь, несмотря на перипетии революционных потрясений, можно уверенно констатировать формирование особой региональной идентичности, основанной на устремлении к самостоятельности, свободе, предприимчивости и инициативе.

Список литературы

1. Кабытов П. С., Дубман Э. Л., Кабытова Н. Н., Леонтьева О. Б., Смирнов Ю. Н. Изучение истории Самарского края XVI – начала XX вв.: историографический обзор // Вестник Самарского университета. 2020. № 26 (2). С. 8–24.

References

1. Kabytov P.S., Dubman E.L., Kabytova N.N., Leont'eva O.B., Smirnov Yu.N. Historical study of Samara region in the 16th – the beginning of the 20th centuries: historiographic review. *Vestnik Samarskogo universiteta = Bulletin of Samara University*. 2020;(26): 8–24. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Александровна Сухова

доктор исторических наук, профессор,
декан историко-филологического
факультета, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: savtemp@yandex.ru

Ol'ga A. Sukhova

Doctor of historical sciences, professor,
dean of the faculty of history and languages,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 12.05.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.05.2021

Принята к публикации / Accepted 02.06.2021